

с краю) и обвела весь цветущий горох на грядке. Уцелело немало.

Зато рядом пышно разрослась кудрявая трава кинза (кориандр).

Я как будто приходила в себя после тяжелой болезни, по нескольку раз на дню спала, потом, укутанная в зимнее, вылезала из дома, плелась в сторону леса, садилась на первом же пне или поваленном дереве и часами грелась на апрельском солнце, с сочувствием смотрела на синиц (теперь я знаю, что синицы для санитарных окошек и аллей), потом вздыхая поднималась и тащилась домой — какое счастье, неужели все позади — так идут домой довольные своей жизнью одинокие старухи, вспоминая, что в подарочной коробке еще кое-что осталось, и потом долго и с удовольствием пьют хорошо заваренный чай, всегда из одной и той же чашки.

Однако пора вылезать из укрытия.

В деревне Румболово, на Нагорной улице, поднимаем кашпош и глядим на все четыре стороны.

Вчера был выметен мусор из служебного стола и было покончено с позорной арифметикой «семь и еще раз семь», и лусккой эта еще одна школа остается и производит новые наборы. Когда-нибудь мы туда забредем, в этот переулок.

Интересно, что теперь там. А неинтересно.

Расшищаем письменный стол, убираем лишние книги, стираем пыль с бумаги, локтем отодвигаем прочие предметы. Расшищаем время, подготавливаем поляну, вырубаем подрост. Готово. Ничего не мешает.

Широкий прокос в судьбе.

Голая хозяйка хутора входит по колено в воду и выкашивает узкую дорожку в прибрежном густом тростнике, вот она уже по пояс в воде, можно выплывать на середину озера.

Петр Чейгин

* * *

Что горлом вынести?

Сиреневую гроздь,

что влажная наполнила ладонь?

Или февральская подснежная мгла,
копящая льдами, диким садом,
где яблоком ему не угодить?

Мороженые зерна пересыпать

землей, хранимой комнатным цветком,
что суженый твой пестует, леплет,
твой береженный.

Вышли караси

из мыльной пены Солнце наблюдать,
дубовых листьев шорох посмотреть
и просто так:

узнать, что происходит

в заоблачном апрельском лесопарке.

Происходило:

Я иду аллеей

и тихим прутником считаю повороты.

И говорю:

Загадывай погоду

и место пребывания на Земле.

Сегодня ясный день,

бери его, как соду,

и горло полощи,

придется ли еще.

Карасики — игривые ребята

за чепушишкой бросились,

качают

подводное зеленое растение.

Но мне хватает выдержать его.

Но мне хватает жизни однозначной,
простой, как перекресток листопада.
Где неминуе близится засада
двух говорливых стаек воробьев.

* * *

Выходит полнолуние на поля,
и бег травы соперничает с бегом
моей любви. В основе октября —
обычный план с побегом и ночлетом.

В холодном доме скажет пощелуй,
что не успела рифма, и ответом
на множество других одноименным светом
придет Луна. Не жди, свечу задуй.

Смотри, как просится, знакомый по приметам,
к нам голос клена — «О, не прогони. . .»
Мы, если сможем, к Вам приедем летом,
Когда стемнеет, будете одни?

18 февр.

* * *

Благополучие ручья.
Кленовый эпилог заката.
Чем одиночество богато?
Звериной цепкостью слепня.

Чем вызреет ночной приют?
Гримасой глины, слабым ямбом?
Ночной хмелеющей ямой?
Но, как не вырваться, заранее
на кашель строчки упадут.

На пустошь выступит гроза,
заколыхается, задует.
Хлопком свеченье завершит.

И однодневные полеты
в природе серого сукна
размножатся на крылья в глине.

* * *

Зернистый снег весеннего предлесья,
озябший ворон крыльями спешит,
и вереска зеленоватый крестик,
оттаявший, в ладони задрожит.

Знакомые черты желанного покоя,
когда рассыпчато трещат поленья в доме,
не по моей, не по твоей вине.

Отделены двойной оконной рамой
от мякоти вечерней, Боже правый,
как сладко думать, что конец зиме.

* * *

Когда бы телом дорости
до первовиденья поляны
весенней, где черны изъяны
твоих разборчивых шагов.
Когда бы выкрикнул чирок:
о чем стремится побег мгновенный?
Когда бы объяснить мог
с кольцом, проталиной, Вселенной.
Когда бы хоть одна душа
мне описала жизнь иную,
правдивее, чем я хотел. . .

Но глушит голос вымпел ветра.